

Сначала они отняли наше здоровье,
потом покусились на нашу свободу,
теперь же они хотят забрать
самое ценное — наших детей.

Я смотрела на него и понимала, с ним что-то не так. Каких-то двадцать минут назад со мной был мой сын. Он бежал домой с детской площадки, как обычно, держа в руке одну из своих машинок, а я останавливала его всякий раз, когда мне что-то не нравилось: то ли возможность нарваться на машину в этой части двора, то ли бесконечные лужи, раскинувшие свои грязные тела повсюду. Ведь дождь был нескончаемый и длился уже две недели, изредка перезаряжая пистолет, выливающий кубометры воды на и без того серый город. Теперь же он совсем стал блёклым, неприглядным, как муравейник, в котором тысячи одинаковых муравьёв делают нудную работу.

И почему около дома ему захотелось вырваться и забежать вперёд? Тогда ничего бы не было. Около нашего подъезда — спуск в подвал, такая пристройка без двери, скрывающая вход. Случайно оступишься — и полетишь со ступенек в сумрак, пахнущий плесенью и испражнениями. Я окликнула Митю, как обычно, чтобы он был аккуратнее, и он скрылся в том месте, где на секунду пропадал обзор. И была вспышка. Я не готова её описать с точностью, но боковым зрением я что-то видела, это было как отблеск, как молния. А Митя продолжил бежать, но это был уже не он, я почувствовала сразу. Холодок прокрался по спине уколами. Я заглянула в подвал — ничего особенного, только кто-то снова оставил мусор.

Отчего-то почувствовала мелкие толчки, такие еле заметные и волнообразные, словно тебе в грудь плещется вода. Станные ощущения, учитывая, где стою. Я отошла на пару шагов и обернулась. Там плавился воздух. Знаю, что у этого явления есть научное объяснение, но я подобное видела только летом в ужасную жару. Он был искажённым, не таким, как в других местах, и размеры довольно большие, где-то два на два метра. С таким я точно встретила впервые. Но через несколько секунд воздух перестал дрожать, и не было уже ничего странного. Что это — оптическая иллюзия или моё воображение?

Я открыла домофон чипом, и мы поднялись по лестнице до лифта. Всё как обычно, как сотни раз до этого. Лифт приехал быстро, Митя был довольно спокоен, хотя обычно он баловался, но мало ли? И около самой двери мне стало страшно. Он протянул фиолетовую машину, чтобы я убрала её в пакет, как всегда мы делаем, заходя в квартиру. Я уставилась на игрушку, боясь поднять глаза. Неужели Они добрались и до моей семьи?

Я никогда не была параноиком. Недавний мегавирус Covid-19, захвативший мир, был воспринят довольно скептически. Телевизор в квартире показывал только детские каналы, поэтому наш разум не был засорён новостными программами, заставляющими впадать в панику. Я узнавала новости от мужа, черпающего информацию из Интернета, или от матери, с которой созванивалась ежедневно. Сначала всё настораживало, а со временем сошло на нет, когда пришло осознание того, что над нами совершают некий управленческий эксперимент.

Маскарад, длящийся третий год, где тебе независимо от желания приходится участвовать, разделил человечество на два лагеря: верующих и скептиков. Бесконечные надписи на магазинах, библиотеках, поликлиниках, порой только для галочки, хотя на каждого свободомыслящего найдётся тот, кто косо посмотрит на отсутствие средств индивидуальной защиты, а может, и даст волю словесному негативу. Я сталкивалась с такими, и в мою сторону летела не лучшая часть лексикона, бывали даже проклятия. Я ставила стену, защищающую меня от всего дерьма, которое норовили выплеснуть на меня без того озлобленные люди. Но со временем поняла, что проще быть как все.

Бутафорские маски, конечно же, никого ни от чего не спасали, они лишь создавали видимость. Но дрессировка проходила успешно, и у каждого в карманах, сумках, рюкзаках лежал пропускной билет в любое заведение. Что раньше казалось немислимым, обрело новую жизнь. Окно Овертона работало.

Но потом появились Они. Нет, конечно, никто их не видел, просто подозревали, что Они существуют, потому что стали пропадать дети. Но не

так пропадать, как раньше, дети оставались с родителями, но это были уже не те дети. Правительством делало вид, что ничего не происходит, воспринимая родственников жертв как сумасшедших. Некоторых особенно упорных в своих заявлениях поместили в специально отведённые места, остальные уживались с тем, что есть, вернее, с тем, кто есть.

На первый взгляд, бред, да, соглашусь, довольно странные заявления, больше похожие на вымысел. Всё воспринимается несерьёзно, если это происходит где-то и не касается тебя. Но потом это случилось с Ниной.

Она позвонила мне и попросила приехать, по голосу я поняла, что она напряжена. Я примчалась сразу же, оставив сына с папой, хотя обычно беру его с собой. Разница у нас с Ниной пять лет, у детей — чуть больше двух. Интересы у них разные, сейчас разрыв колоссальный, но с возрастом грань сотрётся.

Мы устроились на кухне. До недавнего времени наши посиделки сопровождалась бокалом хорошего вина или мартини, но наступило счастливое время материнства, и вошёл в силу сухой закон. Вина не перехотелось, но желание пришлось подавлять. Горячий шоколад стал заменой алкоголю. Моё время добровольного отказа закончилось, я могла позволить себе всё, что захочу, но сестра ещё не перешла рубеж.

Нина вытащила из холодильника «Kaesler», достала два бокала и пачку «Parliament». Я недоверчиво посмотрела на неё:

— Ого, во все тяжкие? Мать, ты разошлась что-то.

Нина молча открыла вино, разлила по бокалам и подвинула мне. Потом достала сигарету и закурила. Первая затяжка была долгой, я просто сидела и смотрела, ловя себя на мысли, что сейчас все мои десять лет безникотиновой жизни полетят к чёрту. Она бросила мне на колени зажигалку и, взяв бокал, осушила его. Снова затяжка, и снова бокал наполнен. Молчание затягивалось.

Я гипнотизировала пачку, воспитывая силу воли.

— Да возьми уже! — хмыкнула она, проследив за моим взглядом.

Я неуверенно отмахнулась. Нина резко выхватила сигарету из пачки, сунула мне её в рот и подожгла. Лёгкие втянули отравляющий дым с жадностью. Люди всячески себя убивают, но прирост населения неуклонно растёт. Только с 1927 года по настоящее время численность выросла на пять целых шесть десятых миллиарда. Всего за неполные сто лет человечество увеличилось в четырёхкратном размере. А мы ещё что-то говорим про крыс.

— Она странная, — Нина нервно курила. — Ну, Даша.

— Ты про стул?

— Какой, к чёрту, стул, Лиза? Я тебе про ребёнка говорю. Или у меня крыша поехала, или это не мой ребёнок!

Я подавилась вином, которое решила в этот момент пригубить. Прокашлялась.

— Ты забыла, как рожала?

Нина откинула голову на спинку стула и выпустила дым вверх. Белое кольцо растворилось по мере взлёта.

— Чё, думаешь, кукуха у меня поехала? — она сделала паузу.

Я смотрела на сестру и ждала пояснений. Пока всё казалось мне до ужаса странным. Задавила рутина, ну, можно бокальчик пропустить, хотя я никогда себе подобного не позволяла, но не мне судить кого-то. Что-то явно произошло. Я прокручивала её слова в голове, но ничего не понимала.

— Это уже неделю происходит, — Нина курила нервно, отрывисто, трогая большим пальцем фильтр.

Мой взгляд продолжал задавать вопросы, но я молчала. Подгонять сестру не хотелось, она сама должна сказать, что хочет. Я снова затянулась, и в нависшей тишине было слышно, как трещит бумага, опаляемая жаром.

— Я никому не говорила, ты первая. Даже Миша ничего не замечает, но меня не покидает чувство, что Даша — не Даша.

Я медленно повернула к ней голову, пытаюсь понять, шутит она или нет, но сестра была серьёзна. Я решила, что мне понадобится ещё бокал вина, и обновила его.

— А кто тогда? — спросила я отчего-то шёпотом.

Нина лишь пожала плечами.

— Я на форуме одном прочитала, что многие матери сомневаются в своих детях. Вот всё было нормально, а потом бац — и дети другие.

— Что значит — другие? — не понимала я.

— Ну, говорят не так, забывают любимые игрушки, ритуалы, боль перестают чувствовать, сбоят, в конце концов!

— Что делают?!

— Ну, сбоят, как телефон глючат, понимаешь? Будто залипают, а потом отвисли и дальше что-то делают.

Я не понимала, ни как такое может происходить с детьми, ни как это могла говорить моя сестра на полном серьёзе. Хотя сейчас можно было сказать, что залипла я, потому что не представляла, как реагировать на подобные заявления. В сестре читалось, что она верит во всё, что говорит. Я была далека от психологии, вернее, от психиатрии, чтобы верно поставить диагноз, но всё это звучало бредом сумасшедшего. Мне стало страшно за сестру, но хотелось выяснить до конца, что именно её пугает.

— И Даша сбоят?

— Ну вот знаешь, как включаешь процессор, а он ещё не прогрузился до конца и фотки там или файлы какие не сразу открывает, а через время, ну, там, пара секунд.

— Мы сейчас компьютер обсуждаем?

Возможно, в причинах беспокойства Нины и была подоплёка, но в её сумбурном рассказе я ничего не понимала.

Нина шумно выдохнула.

— Наверное, я бы тоже смотрела на тебя как на дуру, если бы услышала весь этот бред. Поэтому проще показать.

Мы вошли в детскую и приблизились к кровати племянницы.

— Да пусть спит,— прошептала я как можно тише.

Нина махнула в мою сторону рукой и заглянула в лицо ребёнка. Шестимесячная малышка сладко спала. Мать задумчиво разглядывала дитя. Я свернула голову вбок, чтобы лучше рассмотреть милое личико. Внезапно глаза девочки распахнулись и уставились прямо на меня. Первая реакция—меня бросило в жар, но это был эффект неожиданности. Даша молча смотрела в упор перед собой и не двигала ни единым мускулом. Я замерла, боясь испугать ребёнка. Не уверена, сколько прошло времени, но по ощущениям—минуты три, и я чувствовала, как моя шея затекает в таком положении. Только сейчас до меня дошло, что Даша ни разу не моргнула и не двинулась, она походила больше на куклу, чем на ребёнка. Как такое возможно?

Нина легонько тронула дочь рукой, но эффекта не последовало, тогда она повторила манипуляцию сильнее. Ребёнок зашевелился, его лицо стало медленно скукоживаться, пока она, наконец, не закричала, как обычный младенец. И всё встало на свои места, будто кто-то нажал кнопку «Play».

Нина взяла Дашу на руки и прижала к себе, пока та истошно кричала. А я выпрямила затёкшую шею и стала массировать её рукой, размышляя над случившимся.

— Что скажешь?—спросила Нина, раскачиваясь по комнате с ребёнком на руках.

Я задумалась. Сейчас я уже готова была признать, что ничего странного в поведении ребёнка нет, просто она спала с открытыми глазами, как бывает у многих в её возрасте. Потом проснулась и закричала.

— Подержи,—Нина вручила мне вопящую племянницу и пошла на кухню.

Я продолжила качать ребёнка, пока сестра приготавливала смесь. Выглядела Даша вполне обычно—по крайней мере, с первого взгляда. Нина вернулась, я передала ребёнка матери, девочка присосалась к бутылочке, успокоилась и затихла, занятая делом.

— Это выглядит странно, соглашусь, но не настолько, чтобы считать ребёнка киборгом,—я хмыкнула.—В Интернете и не такое напишут!

К тому же это общеизвестный факт, что новорождённые не моргают, а грудные дети делают это намного реже взрослых.

— Это я и сама прочитала! Но пару раз в минуту она должна моргать, тем более раньше я такого за ней не замечала.

— Может, ты не обращала внимания?

— Ну ты шутишь? Я б обязательно запомнила. Это же странно,—Нина глядела на меня с вызовом.— Хорошо, я тебя поняла: допустим, так бывает. Хотя раньше у неё такого не было!

— Если ты чего-то не видела, не значит, что этого нет!

— Ладно, проехали. А что ты скажешь по этому поводу?

Нина отняла у ребёнка бутылочку, и тот сразу же стал обиженно орать, она снова дала ему смесь, а потом опять оторвала, ребёнок заголосил.

— Чёрт,—выругалась мать,—сейчас она поест, и я покажу, что хотела. С едой у неё всегда хорошо.

Стоит ли мне переживать за сестру и племянницу? Может, рассказать всё Мише? Или матери? Хотя нет, матери точно не стоит, она никогда не умела держать себя в руках и трезво смотреть на вещи. Помощи здесь явно не жди, она просто решит, что Нина рехнулась. А может, в этом и есть доля правды.

Я оставила сестру в комнате и пошла в ванную. Там умылась прохладной водой и смочила руки до плеч—мой ритуал, чтобы освежиться. Из зеркала на меня смотрела черноволосяя девушка с короткой стрижкой, удлиняющей к лицу. Немного усталая, разменявшая четвёртый десяток, довольно привлекательная, можно сказать—красивая, если верить собственным глазам, да и мужчины всегда говорили мне об этом. Облокотившись на раковину, я внимательно оглядывала себя, как делала почти всегда, когда оказывалась перед зеркалом,—иногда бросала мимолётный взгляд, иногда задумчиво проходили минуты. Капли блестели на коже; стекая, они соединялись друг с другом и превращались в тонкие дорожки. Около глаз и рта успели наметиться морщины. Но всё ещё красива. Время—абстрактное понятие, но его ход хорошо заметен, особенно в человеке. В такие минуты понимаешь, насколько оно спешит.

Я заглянула себе в глаза, сегодня карие, мой истинный цвет, иногда позволяю себе шалости в виде смены радужки; голова немного наклонена вправо, губы приоткрыты, лёгкие неторопливо качают воздух. На минуту сознание отключилось, мыслей не было, сон среди бодрствования.

— Ты там уснула?—раздался голос Нины из-за закрытой двери.

Моё тело среагировало на звук: вздрогнув, я будто включилась, словно не было меня здесь и сейчас. Пара секунд понадобилась, чтобы вспомнить, где я и кто я. Иногда со мною так бывает,

будто настройки сбились и приходится восстанавливать в памяти события, вплоть до того, что я мама своего ребёнка. Воспоминания настигают волнами, поэтому сомневаться не приходится, и я живу дальше. Я кивнула своему отражению, словно с чем-то соглашаясь, и покинула ванную комнату.

Дашка наелась. Она лежала на плече у сестры, которая похлопывала её по спинке. Нина вытащила из комода пелёнку и бросила мне.

— Расстели, — кивнула она на диван, и я послушно выполнила просьбу.

Нина уложила на розовый прямоугольник дочку и выпрямилась. Та бессмысленно болтала руками и ногами. Мы нависли над ребёнком, как две статуи: одна — сложив руки и закусив губу, другая — в растерянности наматывая прядь на указательный палец. Это моя давняя привычка, с которой приходится бороться, и не всегда удачно.

— Сделай ей больно, — прозвучал голос.

Я быстро заморгала, будто мне это могло помочь понять услышанное, и медленно повернулась к сестре с открытым от удивления ртом.

— Да не смотри так, я же тебе не выбросить её из окна предлагаю, а просто сделать больно. Ущипнуть, например.

Я подавилась воздухом. Что несёт моя сестра, чёрт возьми? При первом же плаче мы спешим успокоить своих детей, норовим подхватить их на руки и спасти от всей боли, которая приходит порой. Здесь же меня, наоборот, подталкивали причинить эту боль.

— Ты принимаешь наркотики? — внезапно для самой себя спросила я.

Страшно, конечно, услышать утвердительный ответ от близкого человека, но это хотя бы могло всё объяснить. И если наркоманы способны вылечиться, то шизофрения — навсегда.

— Ладно, я сама.

Нина приблизилась к ребёнку прежде, чем я успела среагировать, она кольнула её ногтем в пяточку. Ребёнок не среагировал. Она повторила процесс — никакой реакции.

— Я не педиатр, но слышала, что и боль дети могут воспринимать не так, как мы.

— Да она вчера упала с дивана и даже не заплакала! — Шок? — предположила я, но у самой уверенности не было. — Надеюсь, ты не собираешься сейчас повторить падение, чтобы что-то мне доказать? — спросила я ошарашенно.

Нина только цокнула.

— Ну покажи её врачам, — искала я ответ.

— Да? А чего я им скажу? Ты просто представь, как посмотрят на меня, если я припрусь к ним с подобным.

— Обследование?

Нина взяла малышку на руки и отнесла в манеж, включила детские песенки и позвала на кухню, закрыв за нами дверь.

— Зачем? — не поняла я, указывая на дверь.

— Мне кажется, она подслушивает, — негромко ответила сестра.

Я молча смотрела на неё, шутить совершенно не хотелось. Я налила себе ещё вина и выпила залпом.

— Ну так что по обследованию?

Нина только пожалала плечами, повторяя за мной с алкоголем.

— С чего я должна начать? Да и Миша спросит, какого чёрта я таскаюсь со здоровым ребёнком по больницам. Он меня никогда не поймёт, я и так для него после той истории с домовыми не вполне нормальная. Он часто вспоминает и прикалывается надо мной. Представь, если я ему тут ещё заявлю, что его дочь — не настоящая.

— Ну и что собираешься делать?

Нина прислушалась к звукам из комнаты, всё было спокойно; она вздохнула и пожалала плечами: — Пока наблюдать буду, а там увидим.

Мой телефон загорелся, подсвечивая сообщение от мужа.

— Нин, мне пора бежать, — стала собираться я, — но если что — я на связи, звони мне в любое время дни и ночи.

Я зашла в комнату, взяла племянницу на руки и расцеловала в обе толстые щёчки.

— Нормальный ребёнок, — констатировала я факт, — растущий организм!

Нина стояла в проёме с бокалом и еле заметно кивнула. Было видно, ей не хотелось, чтобы сестра уходила, но остаться я не могла.

Она остановила меня в дверях.

— Ты только не распространяйся, ладно? Ни Глебу, ни тем более матери, я тебе одной доверилась.

— Ты меня знаешь.

Она знала, что я не из болтливых, обсуждать чужие тайны не стану, в этом она всегда могла положиться на старшую сестру. Сколько раз, имея возможность раскрыть её перед матерью или знакомыми, я просто молчала, делая вид, что совершенно ничего не знаю. Никто никогда не пробалтывался о её секретах, потому что на мне цепочка всегда обрывалась. Но сказать дежурную фразу было соблюдением ритуала.

Я обняла сестру и погладила её по спине: близость родного человека должна успокаивать, как и его поддержка. Поцеловав Нину в щёку, я вышла из квартиры.

Конечно, я никому ничего не сказала, для Глеба это была просто ещё одна встреча с сестрой. Я немного соврала, сказав, что не смогла взять Митьку, поскольку Даша приболела, отчасти это было правдой.

Оставшийся день прошёл как в тумане, я постоянно приглядывалась к Мите, пытаюсь заметить за ним странности; параноики бы нашли их во всём. И как только я смогла уложить сына и остаться

наедине со своими мыслями, пока Глеб говорил по телефону с другом, я сразу же открыла ноутбук.

Интернет помогает развиваться и деградировать, а ты уже сам выбираешь сторону. Моя лестница неуклонно стремится вверх. Всякий раз, занимаясь сёрфингом во Всемирной паутине, я ловлю себя на мысли, что ни за что бы не таскалась по любому поводу в библиотеку, окажись я моей бабушкой. В её время получать такое количество информации в доступной форме было немислимо. На это ушла бы уйма времени и сил. Но это светлая сторона Интернета, есть и другая, и её выбирает большинство.

Почта была пуста, за исключением нескольких писем спама, рассылаемого разными организациями. Я замешкалась с запросом: что написать в строке браузера? Толком не понимала, что именно ищут. В глубине души мне казалось, что это материнский психоз из-за постоянного недосыпа. Да и, признаться честно, глубина была небольшая. Но не могу же я игнорировать опасения своей сестры? Я должна попытаться ей помочь.

Я прислушалась к тишине в комнате; уловив тихое дыхание сына, немного успокоилась. Иногда я кладу руку на него, если не могу различить в темноте никаких звуков, и тогда осязание помогает осознать, что страшиться нечего. Неужели все матери такие?

«Мой ребёнок стал другим», — набрала я. Пролистав пару ссылок, где было написано про ориентацию, травлю в школе и социопатию, я поняла, что это не тот путь. Запрашивая различные варианты, в конечном итоге нагнулась на форум, где одна из мамочек описывала подобное. Я прочла историю, полистала комментарии; видимо, сестра говорила об этих рассказах. Какая-то нелепица, отличная идея для передачи на нТВ, но никак не реальная история. Надо ли говорить, что других упоминаний о подменных детях я не обнаружила?

В детскую заглянул Глеб:

— Ты долго?

Я обернулась на Митю, он спал, можно было покидать вахту.

— Через пару минут приду, — прошептала я, решив дочитать до конца.

Помимо залипаний и подвисаний, ещё одной из странностей являлась «слепая зона», как назвала её один из комментаторов. Она заметила, что ребёнок перестал реагировать на боль в определённой области тела, это она выяснила случайно. Никаких анализов проведено не было. Мнения разделились: одни считали, что виной всему вакцины, которые тестируют на детях без согласия родителей. Просто подсовывают бумажку, где ты расписываешься, что несёшь полную ответственность за возможные последствия от вакцины. Если задуматься, звучит нелепо: мы должны нести ответственность за то, что не создавали, пока врачи утверждают,

что прививки полностью безопасны. Тогда почему мы подписываем эти чёртовы бумаги каждый раз?

Были и те, кто подозревал, что мы имеем дело с инопланетным разумом, который похищает детей, замещая их двойниками. Третьи не могли определиться ни с чем, кроме того, что ребёнок действительно стал странным. Одна из мам писала про какие-то блики или вспышку, это не было похоже ни на что, с чем она сталкивалась. Ребёнок зашёл в домик на детской площадке, ей показалось, что в него ударила молния, но когда она подбежала, ничего не подтвердилось. Ребёнок был спокоен и цел. Только через неделю мать поняла: что-то не так. А потом соединила эти два момента.

Какой-то конкретной информации я больше не нашла, одни домыслы. Заметка была опубликована в начале года, комментарии периодически обновлялись, сам автор больше ничего не писала. Я зарегистрировалась и спросила её, как дела обстоят сейчас. Просто так написала, чтобы знать, чем это грозит моей сестре, и закрыла ноут. Забегая вперёд, скажу: она так и не ответила, да и Нина успокоилась, и всё пришло в норму спустя пару недель. Никто, кроме меня, так и не узнал опасений сестры, ещё одна её тайна была крепко закрыта в моей памяти.

Глеб был на кухне, он разливал по кружкам ароматный чай. Мы немного поговорили и отправились в комнату посмотреть очередной триллер; день закончился более-менее традиционно.

Суббота. День первый

Я открыла домофон чипом, и мы поднялись по лестнице до лифта. Всё как обычно, как сотни раз до этого. Лифт приехал быстро, Митя был довольно спокоен, хотя обычно он баловался, но мало ли? И около самой двери мне стало страшно. Он протянул фиолетовую машину, чтобы я убрала её в пакет, как всегда мы делаем, заходя в квартиру. Я уставилась на игрушку, боясь поднять глаза. Неужели Они добрались и до моей семьи?

Иногда возникает волнение невыясненной этиологии, когда всё в порядке, но внутри напряжение, предчувствие или просто организм говорит о неисправности. Я попыталась вспомнить вспышку: интересно, такую наблюдала одна из мам? И правда ли я видела странное явление в том месте? Волнение нарастало.

Мы прошли в квартиру, я всё ждала подвоха, но ничего странного не происходило. Разделись, помыли руки и пообедали. Ладони потели, я вытирала их о полотенце, постоянно озираясь на сына. «Лиза, что ты хочешь увидеть?» — задала я сама себе вопрос. Ответа не нашлось.

Я уложила сына довольно быстро, обычно днём он спит от часа до трёх, я никогда не понимала, от чего это зависит. Вспомнила, что на ужин ничего нет, и отправилась на кухню готовить.

Митя был, что называется, выстрадаан. Это только в кино бывает, что девушка беременеет после одного раза, в современном мире это скорее редкость; по крайней мере, у многих знакомых были проблемы в этой области. Но зачать — полдела, ещё надо выносить; я раньше не подозревала, что это сложно. Сказать, что я переживала, — ничего не сказать, но рядом был Глеб, он никогда не винил, только поддерживал, может, поэтому я оставалась бойцом и пробовала снова.

У нас вышло только с четвёртого раза. Я до последнего никому не говорила, боялась ещё одной неудачи. Не зря есть пословица: счастье любит тишину. Даже сестре и матери не рассказывала, зная, чем может обернуться очередная попытка. Только на пятом месяце, когда стало очевидно, что тело изменилось, я доверила секрет родным. С работы уволилась, всё равно декретные бы не платили, а врачи советовали беречься, учитывая предыдущие попытки. Так я оказалась дома и полностью посвятила себя ещё не родившемуся ребёнку.

Поэтому ли, или все матери такие, но над Митькой я тряслась по любому поводу. Он стал нашим с Глебом сокровищем, любая болезнь вызывала во мне панику, я так боялась за его жизнь, что сходила с ума по ночам, когда у него была обычная простуда. Я не могла иначе, мои страхи зашкаливали, я так боялась его потерять! Может, причина действительно в этом, и я придираюсь к любому прыщу, когда можно просто быть счастливой и не выискивать проблемы?

Около пяти я отправилась будить сына; педиатры не раз говорили, что дневной сон должен оканчиваться не позже половины четвёртого, но всё как-то не выходило подстроиться под график, поэтому на ночь Митя мог лечь и в одиннадцать, и даже позже. Я осторожно вошла в комнату, но оказалось, что ребёнок уже встал. Он просто сидел на кровати и молчал. Я раздвинула шторы, впустив в комнату солнечный свет. На комод лежали джинсы и рубашка, и я вспомнила, что через час мы должны быть на дне рождения. Совершенно вылетело из головы.

Пока я принимала душ, Митя смотрел планшет — палочка-выручалочка современных родителей. Я стараюсь не приучать ребёнка к гаджетам, но бывают моменты, когда без них не обойтись. Привела себя в порядок: накрашилась, высушила волосы и оделась. В качестве места выбрали детский центр, где родителям можно немного расслабиться, пока дети будут заняты аниматором и батутом. Я решила «выгулять» платье: за эти годы так редко надеваю подобные вещи, хочется вспомнить, как это — быть женщиной.

На машине ехать минут десять, так что успеваем. Заскочили за букетом — праздник не только у ребёнка, но и у его мамы, хотя редко кто понимает

такие вещи, обычно подарки дарят исключительно имениннику.

Мы были первыми гостями, остальные пришли позже. Поздравили маму Лену и Лёшу, которому сегодня исполнилось пять. Он схватил приготовленный подарок, и вместе с Митей и роботом они убежали внутрь зала.

Я отправилась сервировать стол, пока Лена раслачивалась с доставщиком. Мир меняется, и на смену сервизам из прошлого, которые наши бабушки и мамы доставали из сервантов, пришла одноразовая посуда и приборы. Ничего не нужно мыть после посиделок, просто смотать вместе с содержимым такую же одноразовую скатерть и донести до первой урны. Довольно удобно и экономит время. Это касается и угощений: куда проще заказать готовое ко времени, нежели часами стоять у плиты, переживая, пропеклась ли индейка и не пересолен ли салат. Есть прелесть в традиционных застольях, до недавнего времени я всегда готовила сама, а потом долго мыла посуду, стирала скатерти и салфетки. Сейчас иду по пути наименьшего сопротивления: современный мир — современные реалии.

Помещение наполнялось гостями, гул усиливался, взрослые обменивались любезностями, дети исследовали батут и игрушки. Мы сидели за столом и болтали, рядом подседа одна из соседок по двору. — Лиза, Митя стал так хорошо говорить! Вы с логопедом занимались?

— Нет.

— Дома какие-то упражнения делали?

— Иногда бывало.

— А мой к логопеду ходит уже полгода, но всё равно плохо говорит.

О чём она вообще? Я совершенно не понимала, просто растерянно улыбалась и кивала в знак согласия.

— А что значит «лучше говорить стал»? — решила попытаться я до истины.

— Ну, не «сепелявит».

— Как это? С утра ещё «сепелявил», — и я рассмелась нервным смехом. — Мы точно говорим о Мите? — сделала я глоток из стаканчика.

Девушка посмотрела на меня как на дуру. Естественно, она знала моего сына и не могла ни с кем перепутать. Только с чего она взяла, что у него улучшилась дикция?

— С утра? Значит, как в сказке, растёт не по дням, а по часам.

Все сидящие за столом рассмеялись шутке и перешли на другую тему.

Проблема с речью явилась не внезапно, она была последствием аномалии развития языка. Трудными были несколько букв: «Ш», «Ж», «Р». После диагноза «короткая уздечка» логопеды настоятельно рекомендовали заниматься с ребёнком, иначе мы могли стать претендентами на операцию.

Пока хватало сил мне и усидчивости Мите, который каждый раз плакал, выполняя упражнения, мы занимались, а потом забыли и забыли. И я не обращала на произношение внимания, как не присматриваются близкие люди к родимому пятну на лице ребёнка, когда чужому оно явно бросается в глаза. Поэтому, когда он начал выговаривать одну из букв, я не придавала этому значения. Если бы моё внимание не привлекли к этому факту, возможно, я бы заметила не скоро.

Митя играл с другими детьми, они бегали по залу и были все потные. Все, кроме Мити. Обычно у него мокрые голова и спина, сейчас же они были сухие, хотя он не сидел на месте. Я за ним не следила, конечно,— может, он только влился в игру, а до этого был занят другим занятием.

— Митя,— обратилась я к нему, слушая, как подпрыгивает моё сердце.

Он повернулся на голос, и я поманила его к себе. Он подбежал.

— Что?

— Тебе тут весело?

Он кивнул и собрался убежать обратно.

— Подожди,— я схватила его за руку.— Скажи «машина».

— Машина,— повторил он сразу же.

Я сглотнула. Но это же невозможно! Слово было чётким, без намёка на проблему. Я так ждала, что однажды у него всё получится и не придётся делать операцию, но сейчас мне было страшно, лучше бы он продолжал «сепелявить».

— Жук,— продолжила я.

— Жук,— повторил он.

Я пыталась найти хоть одно разумное объяснение. Подрост? Удлинилась уздечка? «Это не он»,— шипел в голове голос.

Митя вывернулся и убежал, а я продолжала стоять в растерянности.

— Лиза,— окликнула меня одна из мамочек, и я вернулась обратно за стол.

В игровую вошёл аниматор, и дети с визгом бросились к нему. Я откусила кусок пиццы, наблюдая, как человек-паук отбрасывает жалованье. У него довольно хорошо получалось, детям было весело, кто-то из родителей снимал видео. Я открыла сумку— телефон звонил.

— Привет, Нина, мне неудобно говорить,— ответила я, закрывая второе ухо пальцем.

— Привет,— раздался весёлый голос в трубке.— Я просто тут вспомнила, что ты вчера была у врача. Как сходилась?

Я осмотрелась— рядом никого не было, на всякий случай отошла в глубь зала и устроилась за горкой.

— Да нормально в целом.

— И всё?

— Ну, выписала она успокоительные, я вчера начала пить. Не думала, что это так важно.

— Конечно, важно, сестра!

— У тебя как в целом?

— Один день похож на другой. Ничего нового.

Я увидела, как мне машут— все собирались на общую фотографию.

— Надо бежать,— сказала я Нине.— Дашке привет. — Целую.

Я нажала отбой и отправилась к остальным. После пары снимков аниматор распрощался, оставалось около получаса до окончания аренды, поэтому все потихоньку стали собираться. Я помогла собрать оставшуюся еду, распихать по пакетам подарки, и мы вышли последними вместе с именинником и его мамой. Сели в разные машины и поехали в одну сторону— всё-таки соседи.

— Митя,— я остановилась на красный и настроила зеркало заднего вида так, чтобы видеть сына.

Он болтал ногами, я это чувствовала спиной, когда его ботинки касались моего кресла.

— Митя, как ты научился говорить «Ш»?

— Ш,— повторил он.

Какого ответа я ждала от ребёнка? Что он возьмёт и скажет: на самом деле я не Митя? Я привыкла, что уже сейчас могла поговорить с сыном как со взрослым. Он научился говорить в два года, и сейчас его было невозможно заткнуть. Словарный запас был приличным для его возраста, сам ребёнок— очень любознательным, поэтому я часто спрашивала его мнение, если это касалось Мити. — Как зовут папу?— решила я устроить экзамен сыну.

— Глеб,— тут же ответил он.

— А тётю?

— Тётя Нина.

— А меня?

— Мама.

— А имя какое?

— Лиза.

Он отвечал без запинки, я могла и дальше спрашивать, искать нестыковки, но копни я глубже— можно списать на несовершенную детскую память. Всё равно ответа, почему он говорит правильно, я не получу. Мысленно отмахнулась, включила музыку, и так мы добрались до дома.

Глеб вернулся с работы, ему пришлось работать в выходной, чтобы успеть закончить проект, жаловался, что болит голова. Я накормила мужа, дала ему таблетку и не стала напрягать своими домыслами. Будет ещё время поговорить, пока нужно присматриваться к Мите: может, чудеса и вправду бывают, надо радоваться, а не смотреть с опаской.

Воскресенье. День второй

Я давно мечтала переехать, расширить свои владения, нарастить ещё одну комнату или даже две. Но не выходило, найти квартиру по нашим параметрам было не так уж и просто. Глеб следил

за новыми объектами, появляющимися на сайтах, и скидывал мне некоторые, только всегда что-то не устраивало. Утром прислал ещё одну ссылку, вариант не очень, но посмотреть можно. Выставлена вчера после десяти вечера—как говорится, с пылу с жару.

Глеб договорился о встрече на вечер и уехал по делам.

Я открыла телефон и набрала Лике. Обычно мы гуляли с ней и созванивались примерно в это время. «Обслуживание набранного вами номера временно приостановлено». Вариантов было множество, но в чём истинная причина?

С подругами мне не везло: несмотря на то, что осталась в своём городе после окончания института, встречаться особо было не с кем. По разным обстоятельствам жизнь сводила с людьми, завязывались знакомства, но через какое-то время всё затухало, обещания встретиться так и оставались на уровне планов—то ли я была неинтересным человеком, то ли они слишком отличались, но из таких случайных знакомств ничего приличного не выходило.

Лика появилась несколько месяцев назад—если быть точной, то четыре. Они переехали с мужем в соседний дом и, пока снимали жильё, присматривались к городу. Как-то вышло, что мы сразу сблизились, у нас нашлась куча интересов—от детей до любви к фильмам. У Лики была дочка, Алиса, очень красивая девочка, про таких говорят, что они похожи на куклу. Длинные кучерявые волосы, синие чётко очерченные глаза, обрамлённые чёрными пушистыми ресницами, пухлые губки бантиком. На Лиду она была не очень похожа, хотя та тоже была красива. Возможно, в ней прослеживались черты отца, не могу утверждать, я с ним так и не познакомилась. Когда мы приходили в гости к Лике, мужа никогда не было дома, он был в постоянных командировках. Я бы так не смогла, конечно. Не люблю, когда Глеб уезжает, мне сразу становится одиноко, особенно если это неделя или более того.

Признаться, я ждала, когда у неё появятся другие дела и она перестанет приходить на площадку, потому что подобный сценарий проходила не однажды. Но время шло, а мы становились лишь ближе. Дети тоже нашли общий язык и прекрасно играли вместе. Митя, редко видевший других ребят, был в восторге и каждый раз спрашивал, выйдет ли Алиса гулять. Мы даже ездили вместе за город на пикники. Лика всегда готова была поддержать любую идею. Неужели есть люди, которые чувствуют мир так же, как и ты? Ей нравились те же фильмы, что и мне, она советовала мне прочитать книги, правда, некоторые из них я так и не смогла найти, хотя считала, что в Интернете возможно обнаружить всё. Видимо, что-то неверно записала.

По сравнению с Митей игрушек у Алисы было, мягко говоря, мало. Несколько кукол, конструктор

и пазлы. Мы брали из дома пару коробок с игрушками, чтобы детям не было скучно, когда мы ходили в гости к новым друзьям. Впрочем, вещей у самой Лики тоже было немного. Они взяли малую часть и планировали перевезти остальное через несколько месяцев. Думаю, они решили остаться в своём городе и не переезжать. Это хотя бы нормальное объяснение её пропаже.

Удивительно, но Лика умела слушать, особенно рассказы про Митю. Она постоянно спрашивала, что он любит, какие у него особенности, интересовалась здоровьем. Такой добрый и открытый человек, каких мало. Мы пили чай и болтали, у нас ли на кухне или у неё, но мне было спокойно и хорошо.

Она была настолько внимательна, что замечала любые изменения в Мите. Надо же, как можно любить детей, что не делать различия между своим и чужим. Она не раз меня выручала, если не с кем было оставить Митю. В ту пору у меня развилась сильная усталость, и я не могла найти ей причину. Анализы ничего конкретного не показали, врач посоветовала пропить витамины, и через время всё пришло в норму. Раньше я никогда не верила в витамины, вернее, в их реальную силу, что они способны что-то изменить. Но не меняет мнение только глупый человек, не хочу быть таким.

За долгие годы я нашла близкого человека, с которым комфортно и можно поговорить обо всём. Но потом Лика исчезла. Я пыталась дозвониться, но телефон был отключён, не отвечал и домофон. Удивительно, но больше ни с кем из соседей она не общалась. Когда я спрашивала о ней у дворовых мамочек, они лишь пожимали плечами и не понимали, о ком речь. Слово она была для них невидимкой. Подтвердила её существование лишь хозяйка квартиры, сообщив, что девушка с ребёнком быстро съехали, даже не забрав задаток за последний месяц. Дальше следы теряются. Наверное, если бы Лике была важна наша связь, она бы так не поступила.

Я нажала на номер и выбрала «Удалить».

Учитывая, что сегодня выходной, можно рассчитывать на детей во дворе. Я предложила Мите прогуляться, и она с радостью согласилась. На улице было пасмурно, дождя нет—уже полдела. Уличные игрушки мы не заносим в дом, они сложены прямо около двери: лопатки, песочные наборы, машинки, пистолеты, самокат, велосипед, толокар. Митя подошёл, как обычно, к трём большим пакетам с игрушками и выбрал один из них, потом взял большой самосвал, и мы спустились на лифте. Во дворе было многолюдно, мы сразу распределились по возрастам: одни играли, другие разговаривали. Обсуждали вчерашний день рождения.

Я встала около горки и рассматривала детей. Они бегали с визгом, а Митя догонял их, тараня большой машиной. Одна из девочек раскачала качели, чтобы создать некое препятствие в погоне.

Митя в силу возраста ещё не понимал физических законов и как больно могут ударить качели. Поэтому, не меняя траектории, он устремился следом за остальными. Я успела только набрать воздуха в лёгкие, чтобы остановить его криком, но слова застыли у меня в горле, как те качели, которые просто повисли в воздухе рядом с его головой, когда он всё же пробежал мимо. А потом как ни в чём не бывало продолжили свой ход. Такие спецэффекты часто используют в фильмах.

Не знаю, чего я испугалась сильнее: последствий удара или его отсутствия. Это был тот случай, когда любой из исходов меня бы не устроил. Я стояла с раскрытым ртом, провожая взглядом своего ребёнка, если он таковым являлся. Обернувшись, я поняла, что никто не подтвердит моих слов: я одна видела то, что видела. И мне теперь нужно было решать, чему верить: глазам или разуму.

Я окликнула его, и он сразу же подошёл; подобной прыти от трёхлеток редко кто ожидает, обычно любой из нас приходилось звать ребёнка не единожды. А может, я уже придираюсь к любой мелочи, кто знает?

— Как ты это сделал?

— Что сделал, мамочка?

Я повторила вопрос с нажимом, чувствуя, что закипаю.

— Я ничего не делал, — ответил он по-детски наивно.

Черты знакомые, но я всё равно улавливала фальшь, не было в нём той открытости и эмоциональности, которые я так любила.

— Я говорю о качелях, — я старалась говорить негромко.

Не хватало того, чтобы соседи посчитали меня сумасшедшей.

Митя обернулся в сторону качелей и стал их разглядывать, потом снова посмотрел на меня и пожал плечами. Он сорвался с места и продолжил игру с друзьями, оставив меня в смятении. Что же, чёрт возьми, происходит? Я уже готова была поверить в то, что мой разум играет со мной. Ведь иногда утром, пробуждаясь, я пыталась осознать, где я, кто я, вспоминала, что у меня есть муж и ребёнок, выплывая из потустороннего мира. Зачитавшись, могла настолько выпасть из реальности, что с удивлением обнаруживала себя в своём настоящем времени. Хотя иногда я с уверенностью не могу ответить, что правда, а что вымысел.

Одна из мамочек вывела меня из оцепенения, окликнув, и я заняла место рядом со всеми, они что-то обсуждали. Надо признаться, что не особо вникала в суть, поэтому просто делала вид, что слушаю. Сама же следила за сыном, пытаясь поймать хоть малейшее подтверждение тому, что это не он.

Дома я снова подняла вопрос о качелях, но ответа так и не получила. Митя делал вид, что не понимает. Не пытаться же мне его, в конце концов?

Глеб вернулся, когда я уже уложила сына на дневной сон, мы пообедали вместе, он рассказал новости о своих знакомых, я — бытовые истории. Из головы не выходило происшествие с качелями, но озвучивать это я не стала.

К семи мы поехали смотреть квартиру. Не могли нигде припарковаться, поняли сразу, что не наш вариант, но собственники уже ждали, некрасиво отказываться. Дом мечтал о ремонте, как, впрочем, и сама квартира. Мы на это рассчитывали, так как нет смысла переплачивать за ремонт, который всё равно будем делать под себя.

Нас встретил мужчина лет шестидесяти пяти. Он мне сразу не понравился, терпеть не могу людей, которые заискивают перед другими, чтобы расположить. У меня впечатление кардинально противоположное. Он произнёс какую-то елейную фразу про ребёнка и всячески старался угодить. Я быстро заглянула в первую из комнат, не вызвавшую интереса, и перешла в зал. Там оказалась жена под стать мужу, расхваливающая ветхое, пропитанное старостью жильё.

Глеб смотрел молча и кивал в знак согласия, когда хозяева рекламировали квартиру. В принципе, сносно, если сорвать все полы к чертям и сделать капитальный ремонт. Главное, взять подешевле. Сестра всегда была против вторички, она воспринимала только новое жильё, в котором никто не жил. И никто не умирал. Я же ничего не имела против старых домов. Порой новое строили так, что выбор был очевиден. Только мне не хотелось, чтобы в истории квартиры был покойник.

Я оглянулась — Митя рядом не было; я была уверена, что он только что стоял около меня, я даже не заметила, как он исчез. Я нашла его в самой первой комнате, и волосы встали дыбом. Помимо него, там был человек, он лежал на диване, накрытый шторой. Я уставилась на его грудь в надежде различить движения, но понимала, что он мёртв. Я не знаю, что меня напугало больше: сам труп или Митя, стоящий рядом с ним.

Когда я осознала, почему не обратила внимания на подобное сразу, волосы поднялись ещё сильнее. Я вспомнила, что скользнула взглядом по дивану, но посчитала старика грудой заваленного белья, теперь же его лицо было открыто. И я знала, кто это сделал. Но то, что произошло дальше, напугало меня ещё сильнее.

Митя протянул руку к телу и дотронулся до него, старик дёрнулся. Я еле сдержалась, чтобы не закричать, успев закрыть рот ладонью. Видела собственными глазами, это было похоже на судорогу, которая бывает перед сном, когда мышцы расслабляются. Старик дёрнулся, я видела это так же явно, как и то, что Митя стоял там.

— Вы тут? — на плечо легла рука Глеба. — Что делаете?

Он застыл, разглядывая комнату.

— Это что, труп? — спросил он как можно тише.

Я кивнула. Митя повернулся к нам и улыбнулся.

— Дедушка мёртвый? — спросил он.

— Нет. Он просто очень устал, — быстро сказал Глеб, забирая сына из комнаты.

Собственник, не моргнув глазом, подошёл к дивану и накрыл лицо покойника. Он даже не удосужился ничего сказать в своё оправдание. За старика стало обидно: не дай Бог вырастить таких детей, которые продадут тебя вместе с квартирой, пока твоё тело ещё не успело остыть. Я понимала, что в старых домах есть скелеты в шкафу, но чтобы трупы на диване! Мнение по поводу хозяина утвердилось ещё больше: человек был сверхнеприятный.

В голове не укладывалась как беспринципность собственника, который пригласил на просмотр квартиры, так и произошедшее там. Я покосилась на Митю, сидящего в детском кресле. Он выглядел обычно. Я представила комнату и то, что там произошло. Логичных объяснений не было. Я просто их не видела.

Глеб был растерян. Он задумчиво вставил ключ в зажигание и повернул. Я не собиралась ничего рассказывать.

— Не грузись, — подбодрила я его, ощущая осадок.

— Да в голове не укладывается! Это как надо было спокойно людей звать?!

Я согласилась с ним. Только видел бы он то, что видела я, — и снова страх пошёл по коже паучьими лапками. Я достала влажные салфетки и вытерла ребёнку руки.

— Зачем ты трогал дедушку? — заглянула в карие глаза.

— Нельзя? — ответил он вопросом на вопрос.

— Не нужно было. Но как ты понял, что там кто-то лежит? Это же ты открыл ему лицо?

— Я просто знал, что он там.

— Откуда?

Митя лишь пожал плечами.

— Он же мёртвый. Зачем папа обманывает?

Его глаза глядели прямо в мои, он казался таким взрослым. Но откуда он может знать подобные вещи? Я не говорила с ним на такие темы — рано, в детский сад не ходит, не думаю, что другие дети обсуждали подобное. Мне было жутко и немного неловко. Я не обманываю своего сына, всегда стараюсь говорить правду, чтобы он мне доверял, а тут решила уберечь, но вышло по-дураски.

— Откуда ты вообще знаешь, что такое «мёртв»?

— Ты говорила.

— Неправда!

— Правда, ты сама рассказывала.

— Глеб, ты слышишь?

— Что? — Глеб совершенно не слушал, прокручивая в памяти инцидент.

— Да ничего, — я решила не вмешивать мужа в подобное.

Вопросов было всё больше; я пыталась вспомнить, в какой момент могла говорить о подобном с Митей, но ничего на ум не приходило. Что с моей памятью? Можно обозвать её девичьей, но дело принимало серьёзные обороты. Или же ребёнок врёт. Оставшуюся часть пути мы все молчали, поездка не удалась по всем фронтам.

Понедельник. День третий

Мне всегда снились яркие сюжетные сны, словно я смотрю интересный фильм со своим участием. В большей степени это были ужасы и никогда — комедии. Я сражалась со своими внутренними монстрами, выползающими ночью в виде апокалипсиса, восставших машин, маньяков, нацистов, титанов, пожирающих людей. Чувства были реальными, я могла ощущать боль, страх, горечь, даже осознать, как входит остриё ножа в живот преследовавшего, протыкая его по семь-восемь раз. Я могла убить, но лишь во сне, и это мне не приносило удовольствия, я просто защищалась. Говорит ли это о том, что я могу сделать подобное в реальности? Могли ли мои сны шагнуть за грань, где им нет места?

Я снова искала помощь в Интернете, всё тот же форум, новые комментарии и никаких ответов. Вошла под своей учётной записью и замерла над клавишами. Что писать?

В принципе, скрываясь за ником «Головная боль», я могла писать что вздумается, всё равно реальных имён никто не знает, в этом огромный плюс виртуальности. Это тебе не в аптеку зайти и, краснея, попросить тест на беременность для подруги или средство от запора для мамы, отводя от себя подозрения, потому что жуть как стрёмно.

Я описала последние несколько дней, перечислив странности, которые натолкнули на подобные мысли. Перечитала несколько раз, кое-что удалила и быстро нажала кнопку «Отправить», чтобы не передумать. Оставив страницу в закладках, я закрыла её, чтобы она не попала никому на глаза, ведь могут быть вопросы.

Когда вечером я зашла в комнату сына, он спокойно играл у окна. Около полугода назад мы купили отличный коврик для мальчиков, на котором был нарисован город, плюс на полу сидеть было не холодно и не твёрдо. Отличное изобретение для детей. Митя расставлял машинки и дорожные знаки в соответствующих местах, всё было обычно и спокойно. Мне нравилось такое его времяпрепровождение, нежели беготня по дому с криками, хотя я понимаю, что детям иногда надо выпускать пар.

Он был занят и не заметил моего прихода. Я решила не отвлекать: когда он погружён в игру, я могу заняться чем-то своим, — просто постояла и собралась уходить. Он повернул голову в сторону окна и стал смотреть на цветок. На подоконнике

стояло несколько горшков с фиалками и один суккулент. Довольно необычное растение родом с Мадагаскара нам подарила мать Глеба, он рос у неё лет пятнадцать, после перекочевал к нам. У него была толстая нога с большими шипами, а на конце листья как у пальмы. Меня всегда привлекали оригинальные цветы, мы разместили его в одной из комнат и не переставляли, потому как перетащить полуметровый толстый шипованный ствол было проблематично. Иглы прокалывали несколько слоёв полотенец, поэтому, когда комната стала детской, мы решили, что цветок останется здесь. Митька его не трогал: сначала он не доставал до подоконника, потом подрост и понял, что иголки больно колются.

Митя смотрел на пахиподиум какое-то время, потом поднялся с ковра и отошёл в сторону; только сейчас он заметил меня. Послышался негромкий треск, я пыталась понять, откуда звук, и тут длинный ствол треснул пополам и упал прямо на то место, где недавно сидел ребёнок. Я смотрела в ужасе, как шипастое тело цветка лежит на ковре, и представляла, что только что произошло чудо. Перевела взгляд на Митю. Интуиция? Совпадение? Или он действительно знал?

Нет, конечно же, я безумно рада, что всё обошлось, не представляю, чем могло всё обернуться. Но почему же я не радуюсь, а задаюсь вопросами? — Ты в порядке? — спросила я, как только пришла в себя.

— Да, — кивнул Митя.

Я подошла поближе и увидела, что ствол внутри пуст, он сгнил или высох, я даже не замечала, что с растением что-то не так, оно выглядело здоровым. Зелёная причёска из листьев была довольно пушиста, и ничто не указывало на то, что может произойти беда. Я повернулась к Мите и смотрела на него, размышляя над случившимся.

— Почему дерево упало?

— Погибло. Видишь, у него ствол сломался пополам, — я показала на остаток в горшке. — А почему ты ушёл с коврика? Ты знал, что оно упадёт?

— Нет.

— Но ты же играл, а потом встал и ушёл. Почему? — Просто так.

Я недоверчиво смотрела на него какое-то время, ждала, что он расскажет что-то, но ребёнок молчал. Сходила за пакетами из супермаркета, они более плотные, нежели обычные мусорные, да и к тому же их накопилось такое количество, что нужен был второй пакет для пакетов.

Глеб заглянул в комнату и ужаснулся; но все целы, не считая растения, так что он быстро успокоился. Он обнимал сына, пока я, намотав по несколько тряпок на руки, возилась с цветком. Мы засунули пахиподиум в пакеты вместе с горшком, уколовшись не единожды. К тому же растение довольно ядовитое: если его сок попадёт

на слизистые раны или, не дай бог, внутрь, то хорошего мало — в перечне слепота, столбняк, нервнопаралитическое действие, остановка сердца.

Мы оставили пакеты на лестничной клетке, скатали ковёр, который решили отнести в химчистку, Глеб с Митей ушли в нашу комнату, пока я драила пол и подоконник на всякий случай, открыв окно для проветривания. Я протирала стену, а сама думала: почему он так смотрел на цветок? Он знал, он же знал?! Не уверена, но со стороны это выглядело именно так.

Около десяти я пошла укладывать Митю, предварительно искупав. Хотела просто выключить свет без вечернего чтения, но он попросил, и я не смогла устоять. Он устроился рядом со мной и внимательно слушал, перебивая, если ему было что-то непонятно, совсем как раньше. Задавал кучу вопросов, и снова стало казаться, что всё нормально. Он усыплял мою бдительность, и у него это хорошо получалось. Мы закончили читать небольшую книгу, и он побежал к шкафу, чтобы выбрать следующую.

Я не удивилась, когда он принёс «Три весёлых зайца», детям нравится читать несколько раз одну и ту же историю; но когда Митя стал задавать вопросы, мне стало не по себе. Я остановилась, во рту пересохло, сердце забилося. Если каждый раз рядом с ребёнком я буду испытывать стресс, то скоро мне понадобится врач.

— Мы же читали эту книгу, — осторожно начала я. — Не помню, — лишь пожал плечами Митя.

— Ну как же? Это было всего два-три дня назад! Тебе же понравилось.

— Давай ещё раз прочитаем.

— Как зовут этого зайца? — решила я проэкзаменовать ребёнка.

— Зайчик.

— Имя его как? — наверное, я не могла ориентироваться на память ребёнка, которому не было трёх лет, но я была уверена, что забыть всю книгу он просто не мог.

Митя так и не ответил. Я начала читать, но чем дальше читала, тем больше убеждалась: этот мальчик слушал историю впервые. Возможно, другая мать на моём месте не обратила бы внимания на подобные мелочи, но только не я. Мне стало нехорошо, я закрыла книгу.

Вы бы никогда не заметили, что с ним что-то не так, он был как настоящий. И это не последствия тех белых таблеток, что я принимаю трижды в день, дабы избежать истерии и депрессии, нет. Передо мной был кто-то другой, выглядящий так же, а может, это и не было человеком. Заявляю это, находясь в трезвом уме и твёрдой памяти, но поняла, что не могу называть его Митей. Я решила, что это предательство по отношению к моему любимому мальчику, словно я пыталась его замечать любимым другим.

Но откуда появился кукушонок, и что с моим сыном? Кто способен ответить на вопрос?

— На сегодня всё, поздно, пора ложиться.

— Спокойной ночи, мамочка.

— Спокойной ночи, М... — но я осеклась, это имя ему не принадлежит. На людях, конечно, я не смогу называть его иначе, но когда мы наедине, никто меня не заставит дарить ему это имя. — Дима, — сориентировалась я и криво улыбнулась.

Конечно же, Дима — это выход. Вторая сторона одной медали. Он не должен ни о чём догадываться, пусть для него всё будет хорошо.

— Но я Митя.

— Нет, — с нажимом сказал я, — Дима. С этого дня ты — Дима.

— Хорошо, мамочка.

В этом я отказать не имела права, пусть называет как хочет. Я погасила верхний свет, оставив ночник, и собралась выйти.

— Мамочка, не уходи, — его голос такой робкий в полутьме.

Я никогда не оставляла его, пока не уснёт, всегда лежала рядом. Сейчас же хотелось сбежать, но я пересилила себя; я не знаю, кто рядом со мной, но он ребёнок — по крайней мере, ведёт себя именно так. Я легла поверх одеяла и положила на него руку. — Расскажи, как прошёл день, — попросил он.

И снова повадки Мити, как тысячу раз до этого. Я пересказала события дня, и он закрыл глаза. Спустя какое-то время я выскользнула из комнаты и пошла к себе. Глеб лежал в кровати, листая новости в телефоне.

— Ты заметил, что Дима научился говорить «Ш»? — я уселась на край кровати рядом с мужем.

Он отложил телефон.

— Классно! А говорили, что без операции не обойтись.

— Тебя это не настораживает?

— Не понял!

— Ну, не кажется странным, что он вот так запросто научился?

Глеб посмотрел на меня с удивлением.

— Лиза, он и ходить когда-то не умел, а сейчас носит как угорелый.

— Нет, это понятно, но сколько он падал, прежде чем научиться. А здесь проснулся однажды и стал говорить чисто.

— Всякое бывает. Может, изменилось там что. Ты можешь просто радоваться, а не искать проблемы? Почему ты их везде находишь?

Я закусила губу, задумавшись.

— Может, ты замечал за Димой что-то странное?

— В каком плане?

— Ну, вещи необычные не происходили?

— Типа зависания тарелки над нами или левитации коров?

Глеб еле заметно улыбнулся, создавая иллюзию полной серьёзности.

— Я за тобой замечаю что-то странное, Лиза. Ты раньше терпеть не могла имя Дима, мы сколько раз ругались по этому поводу.

— Кое-что изменилось.

— Что?

Говорить откровенно на эту тему было бессмысленно, муж слишком скептичен, да и не видит того, что заметно мне. Остаётся затаиться и наблюдать, чтобы привести неопровержимые факты.

— Я... — пришлось соврать мне. — Теперь меня не раздражает имя, — сказала я и передёрнулась.

Когда встал вопрос, как назвать ребёнка, мы долго не могли прийти к общему знаменателю. Глебу не нравились мои предложения, меня не устраивали его. Он убедил меня, упросил, что называется, и я уступила, решив заменить более звучным вариантом. Я не могу сказать, чем именно не нравилось это имя, оно было слишком простым, что ли, наряду с остальными, распространёнными сегодня. Среди женских имён было много вариантов, а вот мужские не ложились на слух; учитывая отчество, получалось вообще не очень. Но выбрать пришлось. Глеб сначала называл сына Димой, а потом вслед за мной перешёл на Митю, так его и стали называть все.

Вторник. День четвёртый

Глеб встал рано. Я пыталась разлепить глаза, но он разрешил спать дальше: накануне я помогла собрать ему сумку, завтракать он не стал, поэтому моего участия в сборах не требовалось. Он поцеловал меня и уехал на несколько дней: что ж, работа — она такая. Я перевернулась на другой бок и отключилась.

Снова пришлось проснуться часа через три. В квартире стояла гробовая тишина; я посмотрела на часы на тумбочке: девять пятнадцать; странно, что Митя не встал. Дима, подсказало мне сознание. В этом предстоит разобраться. Я потянулась на кровати, боковое зрение что-то различило. Рядом сидел мальчик, он просто смотрел на меня и молчал. Остатки сна моментально сошли с меня.

— Ты давно тут? — я села на кровати, облизывая пересохшие губы; голос был хриплым после сна.

Он только пожал плечами.

— Почему тётя кричит на девочек?

— Какая тётя?

— Та, за стеной, — он указал на противоположную стену.

Я посмотрела туда, потом на него и прислушалась. Соседняя квартира сдавалась посуточно, большую часть времени она пустовала, но иногда туда на пару дней заселялись люди. Велю они себя по-разному, порой слышны были крики отмечающих какой-то праздник или уединившейся парочки, в другой раз было тихо, словно никого и не было. Сейчас был именно такой случай.

— Я ничего не слышу,— зевнула я в кулак и потянулась.

— Мерзавки,— заговорил Дима, смотря в стену,— когда вы, наконец, научитесь меня слушать? Я сколько раз буду повторять, что нельзя брать мою косметику?!

— Где ты такое слышал? — удивилась я.

— Это тётя за стеной сейчас говорит,— он повернулся ко мне и посмотрел прямо в глаза.

Я снова прислушалась, но результат тот же.

— Хочешь сказать, что в соседней квартире кто-то есть?

Дима кивнул. Потом просто встал и вышел из комнаты. Мне стало жутко. Я накинула халат и подошла к стене вплотную, прижалась ухом, только всё бессмысленно. Дети способны выдумывать разные истории, убедила я себя и пошла следом. Дима выдавливал зубную пасту на щётку. Я прошла на кухню, включила чайник и выглянула в окно. Неплохо бы прогуляться после завтрака.

Как обычно, никого во дворе не было: неудивительно — утро вторника. Я предложила Диме покататься на площади — ещё одна из локаций для прогулок. Заасфальтированные дорожки, скамейки, фонтан, который пока ещё работал, здесь летом собиралось большое количество народа — посидеть, поесть мороженого или прокатиться на велосипеде или самокате. Последние, кстати, стали мегапопулярными как среди детей любого возраста, так и среди взрослых.

Митя очень любил детей, он не пропустит ни одного из них, если те будут находиться поблизости. Около фонтана был мальчик постарше Димы, но это того не смутило, он был рад любой возможности поиграть с кем-то другим. Дедушка мальчика разглядывал голубей и готовился к смерти — по крайней мере, выглядел он не очень, но кто его знает, такие могут пережить любого.

Дети сразу скооперировались и придумали игру. Они бросились на газон искать оружие — ветки, упавшие с дерева или оторванные кем-то. Дима нашёл палку длиннее, чем у мальчика, и тот, в силу возраста, начал доказывать, что она по праву его, ведь он старше. Я старалась не вмешиваться — не потому, что это был не Митя, просто, начитавшись подобающей литературы, пришла к выводу: ребёнок должен сам уметь разрешать конфликты. Конечно, я могла подойти и решить проблему на раз-два, но дети должны учиться это делать сами, и пусть лучше под моим присмотром, чем потом, когда он будет оглядываться и искать взрослого, которого рядом не будет. Надо пробовать сейчас.

Я наблюдала, как дети перетягивают палку, и удивилась, что преимущество не на стороне старшего. Хотя он и выглядел больше, Дима был сильнее. Они толкались, незнакомый мальчик кричал, сопел, и было видно, что он злится. Наверное, привык, что обычно такие вещи делать проще. Меня

даже позабавил этот момент. Дима победил. Он выдернул палку из чужих рук и побежал ко мне похвалиться. Мальчик заплакал, это были слёзы обиды, он сжал кулаки и решил взять реванш. Я приготовилась на случай, если он захочет ударить победителя.

Мальчик подскочил и дёрнул палку, когда Дима не ожидал, стоя спиной к незнакомцу. Но тот держал крепко, поэтому вслед за палкой потянулась рука. Она заломилась назад, но не выпустила ветку. — Хватит! — решила вмешаться я наконец, понимая, что хорошим это не закончится.

Но мальчик и не подумал меня слушать. Он был настолько зол, не получив желаемого, что расширепел и продолжил тянуть. Понимая, что так ему заветное не добыть, он вывернул Диме палец так, что я услышала хруст. Ахнув, я подскочила к ним, но противный мальчишка уже убежал, в руках была целая палка. Но что тогда хрустнуло? Я схватила ребёнка за руку, палец неестественно вывернулся и казался сломанным. Но Дима выглядел спокойным. — Тебе больно? — со страхом спросила я, пытаюсь сообразить, что делать дальше. — Всё хорошо, мамочка.

Я бросилась к скамейке забрать сумку, но когда вернулась и попросила показать руку ещё раз, обнаружила, что все пальцы были нормальными. Я осмотрела несколько раз левую руку, которая пострадала, но ровным счётом ничего не обнаружила. На всякий случай сделала то же самое с правой. Ни-че-го. Надо ли говорить, что мне стало не по себе? Или он не человек, или у меня большие проблемы.

Дед мальчика даже не заметил, насколько могли быть серьёзными последствия, он витал в своих мыслях или же просто спал с открытыми глазами. Детей надо воспитывать на каждом шагу, не читать им нотаций, угрожать, унижать, но объяснять каждый поступок, если он плох. Спокойно, найдя в себе силы и терпение, мы должны приводить примеры, чтобы ребёнок понял, насколько нехорошо поступил. Я придерживалась этой точки зрения. — Дима, у тебя болит рука? — ещё раз спросила я, глядя на обидчика, который на правах победителя размахивал палкой.

— Нет, мамочка. Можно мне поиграть с мальчиком?

Я опешила. Насколько дети легко могут забыть и простить. Может, нам стоит поучиться этому у них? Я посмотрела на Диму, потом на противного мальчика и почему-то разрешила. Доверилась ощущениям, хотя была настороже, если что — вмешуюсь.

Я нашла Диме ещё одну палку, и он побежал к Косте, так звали мальчика. Они забрались на фонтан и стали рыбачить. Косте нравилась такая игра, Диме тоже. Конечно, никакой рыбы здесь не было и быть не могло, они просто окунали

палки в воду и делали вид, что клюёт. Потом Дима попросил у меня два пистолета, и они бегали по площади, громко стреляя друг в друга. Но Косте опять захотелось доказать, что он сильнее, а значит, выбирать будет он, и снова захотел отнять у Димы игрушку. Только всё произошло с точностью до наоборот. Гадёныш схватил мальчика за кисть и крутанул её вправо, Костя закричал, из глаз брызнули слёзы. Отчего-то я почувствовала удивление, даже улыбнулась. Мне совершенно не было жаль мальчика.

Наконец дед проснулся и обратил внимание на ситуацию. Костя подбежал к нему и стал жаловаться, дед смотрел на нас, а я с вызовом глядела на них. Если бы он что-то попробовал сказать, я обязательно наговорила бы ему гадостей. Но он смолчал, так лучше, мы просто разошлись так же, как встретились.

— Молодец, — похвалила я Диму, уводя с площади.

Я учила Митю всегда стоять за себя. Никогда не била первым, не отнимать вещи, учиться договариваться, но если с ребёнком невозможно иначе, то давать сдачу. Надеюсь, Дима не повредил руку ребёнку, просто напугал и дал понять, что существует обратная связь.

Во дворе качались две девочки, я видела их впервые, как, впрочем, и женщину с ними. Дима потянул меня в сторону песочницы, и я поддавалась. Качели остались сбоку, мне было отрывочно слышно, как женщина общается с детьми.

— Это тётя, — подал голос Дима.

— Понятно, что не дядя, — усмехнулась я.

— Нет, это тётя, которая ругалась.

— Где ругалась?

— Сегодня утром за стеной.

Воображение ребёнка шагнуло за стены квартиры, и вот уже он указывает на первую попавшуюся тётю и придумывает историю. Я вздохнула и даже улыбнулась:

— Не придумывай.

— Я говорю правду, — немного зло сказал он.

Оборачиваться было неприлично, рассмотреть женщину не успела. Я лишь слышала, как они встали с качелей и ушли. Посмотрела ей вслед: самыми запоминающимися были огненные волосы. Девочки четырёх и пяти лет держали её за руки. Надо же такое придумать!

Через полчаса я открыла чипом домофон, и мы вошли в подъезд. Пока лифт ехал с верхнего этажа, входная дверь открылась, и вошла та самая женщина с детьми. Я удивлённо вскинула брови и посмотрела на Диму. Он молчал. Мы вошли впятером в лифт и вышли на одном этаже. Я была шокирована. Рассеянно вставляя ключ в замочную скважину, я косилась на рыжеволосую, открывающую соседнюю дверь.

— Извините, — не выдержала я, обращаясь к женщине, — вы только сняли квартиру?

— Нет, купили неделю назад где-то.

— О, значит, мы теперь соседи, — улыбалась я неестественно. — Я — Лиза, а это Дима, — указала я на ребёнка.

— Марина, — положила она руку себе на грудь, — а это...

— Мерзавки, — закончил за неё Дима.

— Дима, — ахнула я и покраснела.

Женщина опешила, потом так же натянуто улыбнулась.

— ...Жанна и Оливия, — закончила она.

— Приятно познакомиться, — ввернула я уже никому не нужную фразу.

— Взаимно, — отозвалась она, и мы разошлись по квартирам.

Я закрыла за нами дверь и уставилась на Диму. — Это что было? — зашептала я, понимая, что в этой зоне квартиры всё прекрасно слышно на лестничной клетке.

— Но она сама их так называет, — пожал плечами тот.

Я шумно выдохнула. Инцидент не из приятных, но что есть, то есть. Не заикливаться же на этом, надо понимать: это лишь дети, они могут говорить разные вещи.

Вечером, уложив Диму, у меня появилось свободное время, и я сразу же зашла на форум. Мой комментарий был последним, я разочарованно пробежала глазами по остальным в надежде, что будет дополнение хоть к одному из них, но ничего нового не обнаружила. Что ж, надо будет проверить через пару дней — возможно, появится что-то стоящее.

Я отложила телефон и тупо пялилась в потолок. Подвергнув сомнениям опасения Нины, я сама искала странности в сыне. Но даже если у меня будет куча фактов, что делать дальше? Это можно было сравнить с неизлечимой болезнью: она подтверждается по анализам, но ничего не поделать — лекарств ещё не придумали. Даже если я убежусь, что мои подозрения верны, что мне остаётся? Не пойду же в полицию, рассказывая историю про Интернет, по которому я поставила ребёнку диагноз — пришелец?

За стеной послышались крики, и я напрягла слух: это был женский голос, а потом заплакали дети. Слышалось довольно жутко, воображение рисовало ужасные картины, что может делать мать со своими детьми, но вмешиваться мне не стоит. В чужой монастырь, как говорится... К тому же я не знаю причины ссоры. Но одно я поняла точно: Дима не врал, он действительно всё слышал. Списать на особенности детского слуха или же на ещё одну аномалию? Я уснула с очередным вопросом.

Среда. День пятый

Животных любят все дети, ну или почти все, а вот детей — далеко не все питомцы. Митька всегда

тянулся к животным, в особенности к собакам, для него не существовало домашних и уличных, красивых и страшных, злых и добрых. В его понимании собака олицетворяла радость, и при виде четвероногого друга у него всегда возникало желание погладить его.

Боня была всеобщей любимицей, привыкшей к вниманию. Она могла сидеть с невозмутимостью сфинкса и принимать ласку от десятка детских рук. Тринадцатилетняя выдержка налицо, вернее, на морду. Они усаживались вместе с хозяйкой на одну из лавочек во дворе и наблюдали за происходящим. Эта среда не была исключением.

Середина сентября порадовала парочкой солнечных дней, сменив рыдающее по ушедшему лету небо. Друзья Мити разбежались по детским садам, государственным и частным, а нам так и не дали. Мы думали с Глебом определить сына в одно из заведений, но сперва надо было решить что-то с его аллергияй. Она возникла три месяца назад и не желала уходить, присоединяя к себе часто простуду или грипп. За короткий период Митя болел целых четыре раза, сейчас же симптомов не было. Вполне себе можно списать на то, что аллергины ушли вместе с летом, если грешить на разнотравье, но я знала, что это просто не мой сын.

Мы спустились на лифте и почти подошли к лавочке, когда Боня соскочила с места и разразилась лаем в нашу сторону, она встречала так пьяных или чужих, запах которых не пришёлся по вкусу. Я обернулась, ожидая увидеть незнакомого человека позади нас, но никого не обнаружила. Внезапно лай оборвался, словно кто-то невидимый схватил собаку за глотку, она прижала уши и заскулила. Не зная, чего ожидать от животного, я повернулась к Диме, чтобы заслонить его собой. Он смотрел на собаку, не мигая, лицо ничего не выражало; в другой раз он бы с радостью бежал ей навстречу, но только не теперь. Да, чёрт возьми, я сравнивала его постоянно с ним же прежним и видела огромные различия.

— Боня,— позвала я её и протянула руку.

Собака соскочила с места и бросилась мимо нас, задев мою левую ногу. Удар был несильным, но от неожиданности я качнулась.

— Боня, Боня,— позвала хозяйка, но та то ли не слышала знакомого голоса, то ли была чем-то напугана и скрылась за соседним домом.

Никогда раньше я не видела, чтобы она отходила от хозяйки дальше чем на пять метров, они были словно связаны пуповиной. Собаки перенимают повадки своих людей и становятся их маленькой копией. Так и Боня, под стать престарелой хозяйке, была нетороплива, размеренна, больше сидела, нежели двигалась.

— Вот зараза,— выругалась хозяйка и пошла вслед за питомицей.

Мы дошли до песочницы, я оставила пакет с игрушками возле, сама села на лавочку. Дима был абсолютно спокоен, он даже не спросил ничего, а принялся играть как ни в чём не бывало. Я наблюдала за его движениями и постоянно поворачивала голову в сторону, куда ушла баба Лиля. Но прошло пятнадцать минут, а она не вернулась. Мимо проходили люди, но знакомых, с которыми можно оставить ненадолго ребёнка и пойти прояснить ситуацию, не было.

Я достала из сумки припасённую книгу, которую удаётся почитать, когда мы гуляем одни, и открыла на странице с закладкой. Вникнуть в суть мне так и не удалось. Я перечитывала три абзаца четвёртый раз, но мысли были заняты совершенно другим. Какие-то странные вещи происходили, и всё подталкивало к тому, что виной всему он. Я сделала вид, что читаю, а сама исподлобья следила за мальчиком. Он ни разу не подошёл, не позвал, не спросил ничего, будто всё и без того ему понятно, выстроил город и играл молча, хотя раньше не заикался и постоянно просил меня с ним поиграть.

Баба Лиля вернулась своей переваливающейся походкой где-то через сорок минут, вертя по сторонам головой и одна. Найти собаку она так и не смогла. Её душила одышка, присвист, издаваемый лёгкими, не давал успокоить дыхание, она села рядом.

— Не знаю, что нашло на паразитку, куда убежала?— свистели её лёгкие.— Я до магазина дошла и там по двору,— махнула она рукой в сторону,— никто не видел.

Она расстегнула вторую пуговицу на куртке, первая её и без того всегда душила.

Я молчала и чувствовала себя виноватой. Дима продолжал игру. Упав рядом с нами самолёт, я бы и это приписала ему! Здравствуй, осень, здравствуй, обострение.

— Я могу поискать,— как-то робко предложила я, но в глубине души была уверена, что ничего из этого не выйдет.

Точнее, уверенность была в том, что больше живой я Боню не увижу. Я попросила Диму остаться с бабой Лилей, он лишь согласно кивнул. Отойдя два шага, я услышала: «На дороге». Обернулась. Точно сказать, чей это голос, я не могла.

— Что вы сказали?— обратилась я к бабе Лиле.

— Я молчала,— пожалала она плечами.

Я посмотрела на мальчика, но тот был поглощён игрой. Во дворе, не считая птиц, нас было трое. Я развернулась и пошла в сторону дороги. Нет, мне не послышалось!

Проезжая часть была в тридцати метрах; выворачивая из двора, можно было напороться на машину с разрешённой скоростью в шестьдесят километров в час. Из-за паркующихся здесь автомобилей зона видимости для водителей сужалась, поэтому надо было быть осторожным, переходя

дорогу. Пешеходный переход разместился поодаль, и особо ленивые перебежали улицу в неполюженном месте, чтобы не идти дополнительные двадцать метров до зебры.

Она лежала на другой стороне возле тротуара маленьким чёрным пятном. Мне не обязательно было подходить, чтобы удостовериться в своей догадке. Всё и без того было ясно. Никто даже не остановился, чтобы помочь, она была мусором, на который никто так и не обратил внимания. Между нами проезжали машины, сбивая мой взгляд, устремлённый на тело, а я была не в силах пошевелиться и перейти дорогу. Но всё же пришлось.

Крови было много, она вытекала изо рта и из-под головы—видимо, удар пришёлся в большей степени в эту область, хотя, учитывая особенности небольшой породы, досталось всему телу. Я смотрела некоторое время на её бок, чтобы уловить хоть какое-то дыхание, но понимала, что это конец. Как только сказать об этом хозяйке? Понятно, что собака немолодая, но озвучивать подобные новости всегда нелегко. Может, сказать, что я не смогла найти? Но не оставлять же её здесь, прямо на дороге? Это не просто животное, это друг, живший рядом со своим человеком тринадцать лет.

Я оглядывалась в поисках чего-то подходящего, чтобы взять её с собой; мимо спешили люди и машины, каждый по своим делам. Заметил ли человек, ставший палачом, что машина встретила препятствие, остановился ли, чтобы посмотреть, или продолжил движение, не переставая говорить по телефону? В любом случае он бы уже не смог помочь ничем, что есть, то есть, с каждым может произойти подобное, зарекаться не стоит. Но что чувствовала собака, от чего бежала? Я боялась ответа на вопрос. Ведь этот ответ задавал следующий: кто этот мальчик в песочнице?

В магазине купила два плотных пакета и обернула ими собаку. Чувство было не из приятных: обмякшее тело норовило выскользнуть, кровь капала с одной стороны, и мне приходилось нести на вытянутых руках, чтобы не запачкаться, к тому же картина наконец-то заинтересовала зевак. Я добралась до первых кустов в нашем дворе и оставила её там. Прежде чем выйти на тропинку, почему-то выглянула, чтобы посмотреть, чем заняты Дима с соседкой. Баба Лиля сложила руки на груди и смотрела по сторонам, видимо, ждала меня, мальчик замер, когда взгляд остановился на нём, и поднял голову в моём направлении. Я сразу отпрянула, словно делала что-то незаконное, моё лицо пылало. Успокаивая ускорившее темп сердце, я вышла на дорожку и пошла к ним.

— Ну как? — крикнула мне баба Лиля, когда я ещё не успела подойти вплотную.

Я смешалась и не нашла слов, поэтому просто кивнула в сторону, откуда пришла. Соседка заглянула за меня, но ничего не разглядела.

— Там, — махнула я теперь уже рукой. — За кустами. — А чего не идёт?

Я то ли хмыкнула, то ли крикнула, будто извиняясь за свои следующие слова; отчего-то стыдно было смотреть в глаза, поэтому я смотрела на свои руки. Кровь была на безымянном и среднем пальцах, я сжала их в кулаки, чтобы спрятать, в первую очередь от себя.

— Вы сходите сами, — еле слышно произнесла я. — Она под сиренью.

— Кто под сиренью?

Я обернулась на голос. Дима смотрел по-детски наивно, как обычно бывало раньше, и мне внезапно захотелось заплакать, жалеть бабу Лиллю, себя, сына, Боню. Чувства нахлынули и душили, заставляли щипать нос, проталкивали слёзы.

— Идите, — я еле сдерживалась.

— Ну, я задам сейчас паразитке, — завела ругательства баба Лиля, подняла грузное тело и вперевалку пошла.

Это была её манера общения. В ту минуту она осознала, что что-то не так, но не подала виду, словно это обращение к собаке способно отодвинуть неизбежное.

— Кто под сиренью, мамочка? — снова задал вопрос Дима.

Вот это его «мамочка» раздражало. Он никогда не называл меня так прежде, а меня начинало коробить от осознания того, что кому-то, кроме моего сына, дозволено такое. Я молча смотрела на него, чувствуя, как внутри поднимается ненависть. — Ты? — спросила я, бурявя взглядом его. — Я, — ответил Дима. — А это ты? — переспросил он, считая всё игрой.

«Лиза, может, ты сходишь с ума? Может, ты пытаешься увидеть знаки там, где их нет?»

— Иди играй, — кивнула я мальчику на песочницу, и он безропотно выполнил приказ.

Вечером мы поужинали, по обыкновению, вдвоём — Глеб часто возвращался с работы поздно, а иногда, как и сегодня, вовсе был в командировке, — и отправились укладываться на ночь. Ритуал с книжками — и верхний свет выключался, доверяя службу ночнику.

Когда я была уверена, что ребёнок спит, то выключала его, оставляя лишь небольшую полоску от уличного фонаря. Ближе к утру закрывала и её, чтобы не вставать вместе с солнцем.

С рождения до трёх месяцев Митя спал в своей кроватке, хотя сном это было назвать проблематично. В то время я узнала, что человек может обходиться без полноценного отдыха не одну неделю, и научилась спать стоя. В конце концов мой организм сдался, как и моё терпение, и Митька переключался к нам в кровать. Но вот ему уже скоро три, а обратно перебираться он не спешил. Мы купили ещё одну кровать и поставили в его комнате, я ложилась спать с ним, дожидаясь,

когда ребёнок отключится, и уходила к себе, если Глеб был дома. Когда мы оставались вдвоём, не видела смысла перебираться в пустую постель и оставалась на ночь.

Засыпая рядом с сыном, я всегда чувствовала счастье. Что касается последних дней, то мне было тревожно, мне становилось страшно, когда я ложилась рядом с ним, но показывать свои чувства я не собиралась. Слово сочетание «мой дом—моя крепость» не работало. Я сама впустила зло и закрыла за ним дверь. Слышала бы меня мама, как я думаю о её внуке, меня бы точно отвезли в специализированное место.

Уснуť удалось не сразу. Если бы можно было выключить голову, как любое электронное устройство, я бы так и сделала. Среди моих талантов быстрое засыпание не числилось, поэтому мне приходилось подолгу лежать, ожидая первой фазы сна. Я прокручивала в голове историю с собакой и пыталась понять, совпадение или нет.

Сплю я довольно чутко. Бывает, просыпаюсь и проверяю: укрыт ли ребёнок, нет ли температуры? Иногда он будит меня сам, и мы отправляемся в туалет или попить. Бывает, что он говорит во сне или смеётся. Я знаю его привычки, как и любая другая мать.

Около четырёх я проснулась, и пока мои глаза привыкали к темноте, уши слушали. Всё было спокойно—до того момента, когда зрение различило силуэт около стены. Я резко села на кровати, и глаза невольно расширились. Интуитивно поискала рукой Диму—его нигде не было. Тень задвигалась и приблизилась ко мне, укладываясь рядом. Я в ужасе нашарила ночник и включила. На меня в упор смотрели карие глаза, казавшиеся чёрными. Но в этот раз они пугали.

Я не знаю, как долго всё продолжалось, но, не говоря ни слова, он отвернулся к стене и замер. Я всё ещё сидела на кровати, не в силах шевельнуться и отвести от него взгляда. Меня не покидало чувство, что всё это время не я следила за ним, а он за мной. Липкий страх шагал по коже. Гадёныш! Слово возникло внезапно, но я поняла, что оно наилучшим образом характеризует этого мальчика.

Я ёжилась в сумерках, пытаюсь укротить тревожные мысли, слушая нарастающий стук сердца, пульсирующий в ушах. Выбросившийся адреналин усилил волнение, и меня накрыла паническая атака. Он делал вид, что спит, а я задыхалась от ужаса, не в силах сбавить обороты внутри себя. Механизм был запущен, круг паники замкнулся.

Закрыв глаза, я применила дыхательную методику и позитивные мысли, чтобы успокоиться, всякий раз сбиваясь, чтобы украдкой подсмотреть на него. Он лежал в той же позе, и я снова стала сомневаться в себе. Ощущения были реальными, но были ли на самом деле?

Четверг. День шестой

Будильник прозвенел в семь, но я не уверена, что спала, такое состояние—то ли дремлешь, то ли пытаешься уснуть, ощущения ужасные. Потерянная, не отдохнувшая, я выключила звонок и повернулась к Диме. Спит или притворяется? Рассматривая его, я решила, что он действительно спит или же очень хорошо притворяется; в общем, ни к чему конкретному я не пришла.

Отправившись в ванную чистить зубы, я закрыла за собой дверь, чтобы дать поспать ребёнку лишних полчаса. Не знаю, нужно ли сейчас тому, кто в комнате, это, но раньше я делала именно так.

Сегодня был день сдачи анализов, поэтому пришлось встать рано. Я привела себя в порядок и поставила чайник. Семь двадцать. Потом вспомнила, что желудок должен быть голодным: у него—из-за анализов, у меня—из солидарности,— и выключила чайник. Оделась довольно быстро и тихо открыла дверь в детскую.

Дима не спал, он сидел на кровати и смотрел ровно на меня, будто знал, что я войду.— Я поспал,— сказал он фразу, которую говорил мне каждый раз после сна.

Я натянула улыбку и прошла мимо него раздвинуть шторы, потом села рядом и потрепала по голове, а сама думала о вчерашних событиях.— Мы сейчас пойдём сдавать капитана Ряшку,— настраивала я его, глядя в глаза.— Что?— переспросил он.

— Капитана Ряшку,— повторила я.

Однажды мы смотрели детский мультфильм, где был такой герой, сочетание слов нам с Митей очень понравилось, и когда впервые нам предстоял забор крови, я придумала историю о том, что в организм попадают вирусы и микробы, а отважный капитан Ряшка сражается с врагами. Чтобы посмотреть, как у него это выходит, мы сдавали анализы. Так ребёнку было легче настроиться, чем если я бы просто рубила: «Идём сдавать кровь».— А кто это?— переспросил Дима, и мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы тут же не броситься бежать из комнаты.

Я сглотнула подступивший к горлу комок и спокойно повторила ему историю. Сомнения подкрепились очередным фактом.

Выбрав из комода вещи, я одела Диму и отправила в ванную. Он безропотно пошёл чистить зубы, и у меня неприятно засосало под ложечкой. Обычно он убегал и прятался, когда я упоминала о щётке. Любая другая мать на моём месте бы радовалась, что ребёнок изменился в лучшую сторону, но я везде искала подоплёку. Что случилось с моим сыном? Где он? И кто в нашем доме?

Кровь мы сдали быстро, гадёныш для вида поломался, но перенёс забор стойко. Потом всю дорогу просил мою руку, но я так и не дала. Он шёл сзади, пытаюсь догнать меня. На перекрёстках

я дожидалась его, но, пересекая дорогу, снова ускоряла шаг. Поведение моё было странным, только иначе вести себя я была не в силах. Он стал мне чужим, и я чувствовала зарождающуюся ненависть.

Оставался последний перекрёсток, когда внезапно выскочил парень на электросамокате и врезался в Диму. Горел красный свет, гадёныша вытолкнуло на проезжую часть. Я смотрела, как он лежит на асфальте, пытаюсь подняться, машины продолжали движение, а я не тронулась с места. Что-то во мне сомневалось, инстинкт не работал, я просто стояла и смотрела, как его раздавит автомобиль, уверенная в том, что он не способен умереть, потому что это не человек.

Мимо меня пронёсся мужчина, он выскочил на дорогу и схватил гадёныша, а я продолжала стоять со спокойным лицом. Всё можно списать на шок, только я знала: это не он. Мне даже стало досадно, что ничего не произошло, и я подумала: отчего сама не толкнула его под колёса? От этой мысли стало страшно, даже если это существо — не мой ребёнок, я не имею права его убивать!

Всё произошло между шестьюдесятью семью и пятьюдесятью двумя на светофоре, красный отсчитывал цифры. Я бросилась к Диме, создавая эффект испуга за него, забрала его у мужчины, поблагодарив, и обняла у всех на виду, чтобы не подумали, что я плохая мать. Спаситель спросил, всё ли в порядке, я быстро закивала, ещё раз высказала слова благодарности, и он оставил нас, зашагав в противоположную сторону, иногда оглядываясь.

Мы перешли дорогу, когда загорелся зелёный, и сразу свернули во двор, через который обычно ходили к дому. Я остановилась и наклонилась к нему, заглядывая в глаза.

— Тебе было страшно?

Он кивнул.

— Ты понимаешь, что на тебя могла наехать машина? — продолжила я.

— И меня бы не стало?

Голос знакомый, родной, я не стерпела и заревела, прижимая его к себе, теперь уже не разыгрывая спектакль. Его слова прозвучали так искренне, я не раз говорила ему эту фразу, когда объясняла об опасности. И сейчас, прозвучав из его уст, она меня подкупила.

Дима не двигался, а я различила его биение сердца, слёзы снова навернулись на глаза. Как я могла не броситься вслед, чтобы спасти его? Что я за мать? Я оторвала Митю от себя и посмотрела на лицо. Ну похож, чёрт возьми, как похож на настоящего, или я уже совсем спятила, начиталась интернетной ереси и схожу с ума.

Вспомнив, что мы стоим во дворе, я выпрямилась, взяла его за тёплую ладонку и повела домой. Я так соскучилась по прикосновениям

сына, что мне они были необходимы как воздух. Сегодняшний день можно считать его вторым днём рождения. Надо привести мысли в порядок и позвонить сестре, пора, сама я не вывожу.

Звонок я решила отложить на время, когда Дима будет спать. Поставила стирку и решила испечь штрудель. Через пару часов я готова была снова смотреть на всё трезвыми глазами, как говорится, без эмоций.

Гадёныш спокойно играл сам, потом безропотно поел и лёг в кровать. Так бы всегда вели себя дети, тогда у взрослых появилось бы больше свободного времени на себя.

Я закрыла дверь в детскую, а потом и на кухню, и набрала номер сестры.

— Привет, — послышался весёлый голос. — Не знаешь, чем занять себя в обеденный сон?

— Привет. Не совсем. Поговорить с тобой хотела кое о чём. Есть время?

— Даже если нет, я всегда найду.

— Помнишь, полгода назад ты мне говорила, что Даша странная?

— Слушай, Лиз, мы же уже всё обсудили; не знаю, что было, но всё пришло в норму.

— Я не совсем о тебе.

— В смысле?

— Теперь мне кажется, что Митя — не Митя.

— Это прикол, да? Типа, больная сестра...

— Нина, нет, я серьёзно, я теперь тоже сомневаюсь, что мальчик, который живёт с нами, — Митя.

Повисла пауза. Не видишь собеседника — не понимаешь, о чём он думает, хотя с некоторыми не разобраться и при визуализации.

— Нин?

— Я тут, просто пытаюсь въехать в сказанное. Думала, у тебя психика посильнее.

— Ну ты же сама утверждала тогда.

— Да мало ли что я говорила?! Ну да, странности были, может, это период такой у детей, я ж не знаю, у меня один ребёнок.

— Ну а форум?

— Какой форум?

— Ну тот, в Интернете.

— Лиза, я тебя умоляю! Пойду сейчас и напишу, что видела зомби, — помотришь, найдутся такие, кто станет писать, что тоже видел. А некоторые придумают себе, что видели, а потом сами поверят и доказывать всем будут. А вообще, может, это даже эксперимент такой — типа, пишут всякую чушь и смотрят, сколько людей поддержит.

— Ну ты же поверила!

— Да в декрете крышу рвало, ну и знаешь же, что я над Дашей тряслась постоянно, вот и искала, что с ней не так. Я даже не помню, как вообще на сайт тот попала, ну и пошло-поехало. Ты же помнишь, как мне однажды анализы перепутали и сказали, что у меня онкология? Я же реально легла умирать, хорошо, что они быстро нашли ошибку, поняли,

что мы с той бедной девушкой полные тѣзки, так что умереть я не успела, прошла всего пара часов.

— Может, заедешь?

— Давай в конце недели, мы пока на даче у родителей Миши, воздухом дышим, так сказать. Ну, если прям срочно-срочно, давай завтра приеду.

— Да нет, отдохайте, встретимся как удобно.

— Глеб не вернулся?

— У него билет на пятницу, так что мы пока вдвоём.

— Матери позвони, она всегда любила ходить в гости.

— Что-то ты в тот раз не матери позвонила, а мне.

— Лиз, не грузись ты. Ну вот что прям странного произошло?

Я задумалась: что привести в первую очередь?

— У нас вчера собаку соседскую сбили, мне кажется, что виноват Митя.

— Это как? Он её толкнул под машину?

— Можно так сказать.

— Как понять? Ты видела или нет?

— Ну, он это сделал не явно.

— Что значит— не явно? Толкнул или нет? Ты видела?

— Не толкнул!

— И в чём прикол? Собака вылетела на дорогу, а ты винишь ребёнка? Он в неё чем-то кидал или пугал?

Я чувствовала себя на допросе, словно мне светят яркой лампой в глаза и задают провокационные вопросы, я пытаюсь на них ответить, но каждое моё слово лишь усугубляет положение и подводит меня к совершенно иному.

— Нет,— выдохнула я.— Это надо было видеть, чтоб поверить, ты на меня так напала, что я тебе и объяснить не могу.

— Ладно, молчу, попробуй.

— Он на неё так смотрел.

— Как так?

Я поняла, что это плохая идея и на суде такой пункт прозвучал бы как «домыслы» и был опущен.

— Ладно, проехали.

— Ещё что было?

— Были качели.

— В юном месяце апреле?— не удержалась Нина и засмеялась.

Я терпеливо подождала, когда она закончит. Желания излить душу уже не было, я поняла одно: чтобы озвучивать кому-либо свои подзрения, надо быть чётко уверенным в сказанном, а не просто мямлить «мне кажется», «возможно, я видела».

— Прости, не удержалась. Так что с качелями?

— Вторая линия, перезвоню тебе,— соврала я и сбросила её.

Уверена, что разговор растянулся бы ещё на десять минут: я бы пыталась соскочить с темы, она бы возвращала, чтобы разобраться в моих страхах. Так что враньё в данном случае— лучший выход для обеих. Рассказывать о происшествии

с электросамокатом хотелось ещё меньше, будет ещё время.

Страница в закладках нашлась быстро, после моего комментария появилась ещё парочка новых. Все примерно одного содержания. Мне же советовали поискать у ребёнка так называемую слепую зону: место, в котором отсутствуют нервные окончания. Я вспомнила, что уже читала о ней выше. Но где именно искать, я не совсем поняла, поскольку, цитирую, «у разных особей зона покрытия нервными импульсами в разных местах может отличаться».

Время приближалось к семнадцати, пора будить мальчика, если он спал, конечно. Вспомнилась ночь, снова окатило страхом. Я закрыла ноут и убрала его подальше, тихо зашла в детскую. Мне пришлось будить ребёнка, по всем признакам он спал. В голове пронеслось сегодняшнее происшествие, и вновь нахлынули чувства. А что, если бы мужчина не успел?

Я предложила Диме йогурт, и мы вместе перекусили на кухне. Потом он достал машинки и начал игру. Смотрела на него, а в голове была фраза: «Слепая зона». Я добралась до мешочка с нитками и достала обычную булавку. Раскрыв её, я вернулась к гадёнышу.

— Хочешь мультик?— предложила я и включила телевизор.

Дима устроился поудобнее, подложив под спину подушку, я помогла ему с этим и облокотилась рядом, делая вид, что увлечена сюжетом. Рука сжимала иглу. Моё сердце увеличивало темп, перед глазами менялись картинки, я облизала пересохшие губы и скосила глаза на его руку. Плечо? Локоть? Кисть? Что выбрать? Я кольнула его в бедро и быстро отёрнула руку.

— Ай,— почесал Дима уколотое место и обернулся ко мне.

Я улыбнулась, создавая иллюзию непонимания, и снова уставилась в экран. Происходящее меня совершенно не заботило, признаться, я не понимала смысла мультфильма, хотя сюжет был банальный. Прикрыв острый большим пальцем, я чётко ощущала его колкость.

Вторая попытка пришлась на два-три сантиметра выше локтя. И ничего, он даже не дёрнулся. Я сглотнула и заёрзала на кровати, это гадёныш заметил и повернулся, но ничего не спросил, он прижался ко мне, и эта близость вызвала отвращение, но я не отодвинулась, крепче сжимая булавку. Выждав ещё какое-то время, я повторила эксперимент— то же самое. Я обнаружила слепую зону. Не это ли подтверждение всем моим сомнениям?

Но роль матери была ещё на мне, нужно заботиться о ребёнке, кем бы он ни был, поэтому, перебив себя, я накормила, искупала и уложила его.

В холодильнике было пиво, я открыла бутылку и села перед ноутбуком, закинув ноги на стол. Снова

зашла на форум и увидела новый комментарий. Писала некая Виктория. Она уверяла, что с её ребёнком тоже стали твориться странные вещи несколько месяцев назад. Возможно, она знала больше моего? Любую версию надо было проверить. Аккаунт мигал зелёным — она на сайте. Я предложила списаться в личных сообщениях, и мы перебрались в WhatsApp.

«Здравствуйте, это Лиза».

«Привет. Давай встретимся».

Мне не нравилось, когда незнакомые люди тыкали мне, не спросив предварительно, возможен ли переход. Но умничать по этому поводу не стала.

«Может, расскажете, что у вас случилось?»

«Расскажу при встрече».

Я отпила пива и поставила бутылку на стол. Зачем ей встречаться? Почему нельзя описать всё тут?

«Вам что-то известно?»

«Я всё знаю, я знаю, почему дети другие».

У меня заколотилось сердце: неужели я скоро выясню, что происходит?

«Мой сын ведёт себя странно, мне кажется, что это не он».

«Потому что они нашептывают ему».

«Кто?»

«Голоса».

Я покосилась в сторону комнаты и сглотнула ком в горле, но он не ушёл. Сделала пару глотков, понимая, что разнервничалась. Кто эта женщина, и откуда ей что-либо известно?

«Какие голоса? Откуда они?»

«Их много, они в голове, ребёнок за себя не отвечает, они наделяют его силой».

«Откуда вы знаете?»

«Моя дочь тоже больна, ей пять лет».

«Больна?»

«Не все понимают, что это болезнь. Не каждый верит, но я могу помочь».

Сердце бешено заколотилось, меня бросило в жар. Я встала и начала ходить по комнате взад-вперёд, не в силах остановиться. Обдумывала слова, мне было безумно страшно, хотелось, чтобы кто-то был рядом сейчас. За окном уже темно, а все ужасы обычно происходят ночью. Я любила хоррор,

но после просмотра плохо спала, мне казались повсюду тени, мертвецы, призраки. Как теперь пересилить себя и пойти в комнату к гадёнышу?

«Мне нужно сейчас знать, что это за голоса!»

«Только при встрече».

Я не понимала, почему эта Виктория так настаивает на личном знакомстве. Может, она чего-то боится? А может, это вообще какой-то маньяк, который назначает встречу? Чёрт! За этими буквами непонятно, кто скрывается. Может, позвонить?

Я набрала по номеру, но абонент скинул.

«Не могу говорить».

Я схватилась за голову. Лиза, Боже, куда ты лезешь? Зачем тебе это всё? Откинула телефон, включила музыку в наушники и закрыла глаза, откинувшись на стуле. Но в голове постоянно всплывали картины, и казалось, открой я глаза — передо мной будет стоять гадёныш. Я резко вытащила наушники и открыла глаза. На кухне ничего не изменилось. Я себя накручиваю, чёрт, хватит, стоп, Лиза, остановись, не хватало панической атаки. Я принялась дышать и успокаиваться. Слушать музыку расхотелось, мои уши должны быть начеку. Странная тётка: ничего конкретного, но хочет встретиться.

Я сказала себе категорическое «нет» и включила сериал, чтобы расслабиться. Спать совершенно не хотелось, я выбрала глупый, ни к чему не обязывающий, чтобы сильно не вникать. Даже пару раз улыбнулась в процессе просмотра. Наушники отключила, поставив негромко звук, — надо контролировать ситуацию.

Когда звонил Глеб, я ничего ему не сказала — ни про свои опасения, ни про инцидент, ни про переписку тем более. Меньше знает — лучше спит, ни к чему ему нервничать, находясь в тысячах километров от семьи, тем более что всё закончилось хорошо. Может, позже и стоит ему рассказать, но пока не время. Мы описали друг другу события за сегодня и отключили телефоны.

Ближе к трём ночи я всё же легла, но долго не могла уснуть. Отключилась лишь после того, как закрыла свою дверь на ключ. Во время сна даже мои уши не помогут, если придёт гадёныш. Ещё один день подходил к финалу.

Окончание в следующем номере